

Содержание

Леонард

Забытый солдат

7

Мартин

37

Гельмут

91

Алик

137

Сэр Уильям

171

Морис

195

Маленький Миша

219

Джим и Саша

245

Иоганна

301

Леонард
Забывтый солдат

Скорее всего это произошло в сентябре в середине семидесятых, когда Леонард совершенно неожиданно появился в нашем тогдашнем летнем пристанище на Балтийском море. Я особенно люблю этот месяц, когда лето переходит в осень, и каждый год стараюсь оставить на это время хоть часть своего отпуска, чтобы насладиться уединением на балтийском острове Узедом.

В этот день я не ожидал увидеть и Мени – такое ласкательное прозвище с детских лет носила наша мать. И все же я почти не удивился, увидев рядом с ней американца примерно ее возраста. Он не нуждался в представлении. Я сразу же понял, кто он, хотя мы не встречались почти сорок лет. Я узнал его по приметному лицу и высокому лбу, который отличал его уже с молодых лет. Он также сохранил до глубокой старости свою статную фигуру и атлетическую осанку.

Наш домик стоял в непосредственной близости от тогда еще закрытой границы с Польшей. За дюнами открывался морской простор, который при постоянно меняющемся небе мог

окрылить любую фантазию. Роща высоких буков, стоящих неподалеку, и убегающие в даль дуга подчеркивали прелесть этого времени года. Широкий песчаный пляж, освободившись от толп отпускников, приглашал к бодрящему купанию и продолжительным прогулкам.

Леонард с давних пор был близким другом нашей семьи. Знакомство с ним относится к московскому периоду нашей жизни. Я не знаю, при каких обстоятельствах мои родители встретились с Энн – так звали жену Леонарда – и с ним самим. Однако знаю, что это было связано с готовившейся постановкой в Московском драматическом театре «Профессора Мамлока», тогда самой важной для отца его пьесы. Леонард принимал участие в ее репетициях. В то время отец много путешествовал, и в этот раз он отправился через Скандинавию в США. Отца очень беспокоило, что московские театральные деятели не знают реалий жизни в Германии, и это могло привести к неверной трактовке персонажей пьесы и развития действия в ней. В письмах матери рассказывается, как энергичное вмешательство Леонарда помогло избежать этих ошибок в целом ряде эпизодов пьесы. Хотя он и был американцем, но учился в Германии и безупречно говорил по-немецки. Тогда я впервые увидел пьесу отца на русском языке. Это произвело на меня такое сильное впечатление, что я до сих пор помню фамилию исполнителя главной роли: Любимов-Ланской.

В моей памяти хорошо сохранились воспоминания о нескольких визитах к «американцам». Их квартира была в десяти минутах ходьбы от нашего дома, почти напротив московского Центрального телеграфа, чуть наискосок на другой стороне улицы Горького, которая теперь опять называется Тверской. Они жили в одном из красивых старых домов в стиле модерн. Дом этот должны были передвинуть в глубь квартала – тогда об этом писали как о большом техническом достижении, – чтобы освободить место для новостроек сталинского времени. К тому времени, когда дом действительно передвинули, Энн и Леонард уже покинули Москву.

Я начал интересоваться внешней политикой в двенадцать или тринадцать лет. На меня произвели большое впечатление глубокие знания Леонарда. Обычно он разворачивал на обеденном столе географическую карту Азии и пояснял значки, которыми отмечал Великий поход Народно-освободительной армии Китая. Китай уже тогда захватывал мое юношеское воображение, впрочем, так это осталось и до сих пор. В то время Леонард знал не только имена командующих армией Мао-Цзэдуна и Чжу Дэ, даже сложные для произношения названия китайских провинций не составляли для него никаких трудностей. Конечно же, мы оба не могли предположить, что через полтора десятилетия я сам встречу со ставшим уже легендарным Мао. И даже пожму ему руку.

Леонард и Энн уехали из России. Позже я узнал, что они встречались с моим отцом во время его вынужденного пребывания на французской Ривьере во время гражданской войны в Испании. Засвидетельствовано это на фотографии тех лет. Сейчас я познакомился с интенсивной перепиской моих родителей с Энн и Леонардом до и во время пребывания моего отца в лагере Ле Верне для интернированных. Однако в то время следы этой дружбы постепенно стерлись из моей памяти. После войны только некоторые из писем, опубликованных в собрании сочинений моего отца, напомнили об этих друзьях из московской жизни.

Леонард и я искренне обрадовались встрече после многолетнего перерыва, а Мени тут же отправила нас на прогулку – подышать свежим воздухом, взявшись за это время приготовить что-нибудь поесть. Лишь позже я понял, что она намеренно создала нам эту возможность побеседовать без свидетелей.

На пляже мы не встретили ни единого человека. Поначалу разговор, в котором мы старались перешагнуть через минувшие годы, не клеился. Леонард знал о моей работе в разведке, и, как мне казалось, у него было что-то на душе, чего он не договаривал. Сначала мы поговорили о деле, которое привело к отставке канцлера ФРГ Вилли Брандта. Оно было свежо в моей и в его памяти.

Моему почтенному по возрасту другу из давних времен было трудно говорить о своей проблеме. Он говорил намеками, вместо того чтобы прямо сказать мне, в чем его дело. Однако затем я все же понял, что речь идет о его сотрудничестве с одной из советских разведывательных служб. Я знал о подобной сдержанности, характерной и для других бывших разведчиков его поколения. После первых публикаций в пятидесятые годы о легендарном Рихарде Зорге прошло много времени, пока его радист Макс Кристиансен-Клаузен, живший в Берлине, согласился рассказать о совместной с Зорге конспиративной работе. Без «благословения» компетентного в этих вопросах члена Политбюро из него невозможно было вытянуть ни единого слова. В случае с другой спутницей нашего великого товарища, Рут Вернер, потребовалось все мое искусство убеждения и согласие Москвы, чтобы побудить ее написать «доклад Сони». Ее воспоминания, предназначавшиеся первоначально для служебного пользования, будучи освобождены от секретных пассажей, в течение ряда лет были бестселлером в ГДР. Аналогичная история произошла у меня и с Клаусом Фуксом, который жил среди нас как признанный физик и академик Академии наук ГДР, роль которого как советского «атомного шпиона» была известна на Западе лишь тем, кто имел доступ к служебной информации. Когда мы хотели взять у него интервью для внутрен-

него использования, пришлось получить разрешение первого лица ГДР. Для «нелегалов» того поколения однажды данное обязательство хранить молчание было законом. Даже в кругу самых близких друзей они не говорили об этих страницах своей биографии.

Очевидно, что Леонард очень долго медлил, прежде чем решился на эту поездку в Европу. Во встрече со мной он видел единственную возможность как-то разрешить свою сложную ситуацию.

Откровение было кратким. После возвращения в США во время гражданской войны в Испании он несколько лет поддерживал контакт с сотрудниками одной из советских разведслужб. Затем, в пятидесятые годы, некоторые связи были раскрыты, что привело к казни на электрическом стуле Этель и Юлиуса Розенбергов. В это время контакты с ним были прекращены. Было оговорено, что он должен переждать, пока к нему снова не обратятся. На этот случай имелись договоренности. С тех пор минуло уже более двадцати лет, но ничего не происходило. По словам Леонарда, он установил в Нью-Йорке интересные связи на предприятиях и в исследовательских лабораториях военно-промышленного комплекса, постоянно получает информацию, в частности о самолето- и ракетостроении, но не может ее никому передать. Что ему делать? Как быть?

Конечно же, я не мог тут же дать ему ответ. Он это хорошо понимал. Молча мы прогули-

вались по пляжу, сопровождаемые только скрипом песка, свистом ветра и криками чаек.

Фатальная сложность его положения была мне ясна сразу. Он был из числа небольшой плеяды мужественных американских коммунистов-ветеранов, которые подверглись особенно жестоким оскорблениям и преследованиям. Следуя полученным указаниям, Леонард порвал связи с этими товарищами и ушел от активной политической деятельности. И как раз тогда, когда каждый человек был на счету. Старые друзья, должно быть, сочли его капитулянтом, возможно, даже предателем. Это было тогда, когда весь цивилизованный мир требовал: «Свободу Анджеле Дэвис!». Политические активисты становились жертвами кампании ФБР по ликвидации политической оппозиции, аналогичной преследованиям эры маккартизма. Политические заключенные до конца своих дней исчезали за стенами тюрем по ложным обвинениям в убийствах, международные акции протеста за их освобождение оставались безрезультатными. Бездеятельное ожидание для человека его убеждений и характера на закате активной жизни причиняло ему душевные страдания.

Мени, между тем, соорудила одно из своих волшебных вегетарианских блюд. Возможно, она догадывалась о проблемах Леонарда. В конце концов, он ведь должен был ей как-то объяснить свое желание встретиться со мной.